

К ВОПРОСУ О ПАССИОНАРНОМ ФАКТОРЕ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 1(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.vmt@yandex.ru

Аннотация. Тема данной статьи соотносится с открытым характером вопроса о значимости личностного аспекта расширения границ гуманитарного знания на основе развития новых научных направлений, включая и культурологию. В свете 95-летнего юбилея МГИК статус важной и актуальной проблемы обретает концепт «культура памяти», отражающий ценностно-смысловые основания преемственности поколений и модальность продуктивного освоения интеллектуальных и художественно-творческих обретений прошлого. Автор статьи, посвященной памяти первохододцев на пути к отечественной культурологии, видит свою задачу в раскрытии особенностей «мотивационного контекста творчества» субъектов становления культурологии как специфической сферы гуманитарного знания. Отсюда – правомерность авторского погружения в «далекие контексты» (М. М. Бахтин) минувшего и осмысления субъективного фактора развития культурологического направления современной гуманитаристики. На примере жизнедеятельности и наследия Арнольда Исаевича Арнольдова как инициатора и непосредственного участника процесса становления в нашей стране системы культурологического знания выявляется пассионарный аспект расширения и углубления проблемно-тематического пространства наук о культуре во взаимосвязи теоретического, исторического и рефлексивного дискурсов. Особое внимание уделяется вопросу о вкладе Арнольдова в институционализацию отечественной культурологии – создание в Московском государственном институте культуры самой первой отечественной кафедры истории и теории культуры.

Ключевые слова: А. И. Арнольдов, культура памяти, становление отечественной культурологии, пассионарный фактор, подвижничество, интеллигенция, «гуманистический активизм» (Г. В. Флоровский), духовная культура, кафедра теории и истории культуры МГИК.

Для цитирования: Шибаева М. М. К вопросу о пассионарном факторе становления отечественной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 42–49. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедра культурологии, Московский государственный институт культуры

SHIBAEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, CSc in Pedagogy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Шибаева М. М., 2025

ON THE ISSUE OF THE PASSIONATE FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CULTURAL STUDIES

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Abstract. The topic of this article is related to the open nature of the question about the significance of the personal aspect of expanding the boundaries of humanitarian knowledge based on the development of new scientific directions, including cultural studies. In light of the 95th anniversary of MGUK, the concept of "culture of memory", reflecting the value-semantic foundations of the continuity of generations and the modality of productive development of the intellectual and artistic-creative achievements of the past, is acquiring the status of an important and urgent problem. The author of the article, dedicated to the memory of the pioneers on the path to domestic cultural studies, sees his task in revealing the features of the "motivational context of creativity" of the subjects of the formation of cultural studies as a specific sphere of humanitarian knowledge. Hence the legitimacy of the author's immersion in the "distant contexts" (M. M. Bakhtin) of the past and understanding of the subjective factor in the development of the cultural studies direction of modern humanities. Using the example of the life and legacy of Arnold Isaevich Arnoldov as the initiator and developer of the system of cultural knowledge in our country, the passionate aspect of expanding and deepening the problematic and thematic space of the cultural sciences is revealed. The research scientific relationship between theoretical, historical and reflexive discourses. Particular attention is paid to the issue of Arnoldov's contribution to the institutionalization of Russian cultural studies – the creation of the very first department of history and theory of culture at the Moscow State Institute of Culture.

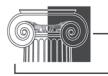
Keywords: A. I. Arnoldov, culture of memory, development of domestic cultural studies, passionate factor, asceticism, intelligentsia, "humanistic activism" (G. V. Florovsky), spiritual culture, Department of Theory and History of Culture, Moscow State Institute of Culture.

For citation: Shibaeva M. M. On the issue of the passionate factor in the development of domestic cultural studies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 42–49. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

Посвящается светлой памяти А. И. Арнольдова и первого поколения подвижников культурологического знания и педагогов кафедры теории и истории культуры МГИК

*Если мы найдем истинное добро, истинную задачу
и смысл жизни и научимся их осуществлять,
мы тем самым будем соучастовать
в творчестве истинной культуры
С. Л. Франк*

*Пафос моей маленькой жизни и бесконечного мира,
пафос моего участного «не-алиби в бытии», это
есть ответственное расширение контекста
действительно признанных ценностей с моего
единственного места
М. М. Бахтин*

Живое бытие культуры зиждется не только на всеобщих формах освоения мира, но ... и на таких уникальностях, каким является отдельный человек

И. В. Ватин

Более чем очевидно, что факт 95-летия МГИК неотделим от событийного ряда пройденного Пути и тех «знаковых Имен», благодаря которым развивалась и совершенствовалась сфера гуманитарно-творческого образования. Социально-культурную значимость юбилейных дат трудно переоценить по той причине, что в свете концепта «культура памяти» и модальности продуктивной связи поколений актуализируется мемориально-креативный потенциал нашего погружения в «далекие контексты» (М. М. Бахтин) минувшего. Минувшего, но не забытого и не отвергнутого «за ненадобностью».

В ряду основных характеристик событийно-именного континуума Московского государственного института культуры (в его первые десятилетия, как известно, библиотечного) стоит отметить плодотворную сопряженность традиций и инноваций в педагогической, научной и художественно-творческой сферах его деятельности. Тенденция сочетания в институтской практике культурных достижений прошлого и проективно-творческих идей, обращенных в будущее, обнаруживает себя на разных этапах 95-летнего пути МГИК и особенно интенсивно – с 60-х годов XX века.

Одним из ярких подтверждений данной тенденции является факт непосредственного – в известной степени, новаторского – включения института в процесс становления такого нового направления в сфере гуманитарного образования, как *культурология*. Начиная с появления в стенах МГИК кафедры теории и истории культуры, а позднее – аспирантуры и специализированного Диссертационного совета, наш институт зарекомендовал себя как субъект подвижнической деятельности.

С этой точки зрения целесообразно «вернуться в прошлое, где созрела культурология, посмотреть, чем было вызвано ее появление» [5, с. 245]. Разделяя такую установку современного культуролога Л. А. Закса, позволю себе дополнить его мысль словом «кем», поскольку за каждой идеей стоит, как известно, конкретный субъект ценностных отношений и проективно-творческой деятельности, то есть *субъект культуры*.

Более чем очевидно, что статусом субъекта культуры наделяются как индивиды, активно реализующие свой интеллектуально-творческий потенциал, так и профессиональные сообщества, социальные институты и, наконец, государство. Однако применительно к вопросу об особенностях становления отечественной культурологии в качестве нового направления в научной и образовательной сферах на первом плане оказывается личностный аспект возникновения и развития культурологии. Осмысление «первоначал молодой науки» (в сопоставлении со стажем и обретениями классических наук) дает повод процитировать Б. Л. Губмана: «Культура порождается экзистенциальной творческой активностью человека и одновременно является результатом таковой, объективированной в многообразии форм» [4, с. 397].

Данное суждение проецируется, на мой взгляд, и на причинно-следственные аспекты развития и институционализации отечественной культурологии. С этой точки зрения заслуживают внимания *субъективные факторы* генезиса культурологического направления, включая энергетику индивидуально-личностной причастности к данному процессу. Отсюда правомерность осмысления вопроса о генезисе отечественной культуроло-

гии и ее институционализации через призму концепта «пассионарность»¹.

Целесообразность обращения к вопросу о пассионарном факторе становления и развития отечественной культурологии обусловлена рядом причин. Во-первых, потребностями определения проблемно-тематических границ сравнительно нового направления гуманитарного знания, а во-вторых, тем, что, «молодая» наука – культурология – является собой «зону турбулентности, синергетических процессов» [5, с. 245] Причем поисково-дискуссионная энергетика этих процессов проявляется до сих пор. Конструктивность гносеологического самоопределения культурологии в пространстве гуманитарного знания в немалой степени зависит от личностных характеристик субъектов становления нового научного направления, включая индивидуальное «дерзание духа» (А. Ф. Лосев).

Понятие «пассионарность», введенное в гуманитарный лексикон Л. Н. Гумилевым, означает наличие той внутренней энергии человека, которая стимулирует его социально-творческую активность и мотивацию участия в процессах преобразовательного характера. Такая трактовка пассионарности выходит за пределы синергетического дискурса и соотносима со смысловой нагрузкой понятия «энтузиазм». «Жизнестойкость» данного понятия, восходящего к наследию Платона, носит, по сути, мотивационно-деятельный характер. Как отмечается в Философской энциклопедии, изданной в 2010 году, энтузиазм – это «воодушевление, страстное восторженное увлечение идеей, идеалом; большой душевный подъем, выражающий стремление к более всеобщим и более высоким целям». Именно эти параметры

¹ То обстоятельство, что разработка данного концепта связана с научными изысканиями Л. Н. Гумилева в проблемном пространстве этногенеза, вряд ли может быть препятствием к использованию в данной статье его идеи пассионарности хотя бы потому, что на современном этапе развития гуманитарных наук эвристический потенциал и гносеологическая корректность междисциплинарного подхода признаны многими современными исследователями.

пассионарности/ пассионарности характерны для представителей первого поколения исследователей культуры².

Ценностно-смысловая емкость понятий «пассионарность» и «энтузиазм» соотносится с именами и трудами тех советских философов-шестидесятников, которые явили себя как «первопроходцы» на пути постижения культуры в ее сопряжении с социумом и миром человеческой субъективности. В именном ряду «первопроходцев» в сфере разработки ключевых проблем культуры имя Арнольда Исаевича Арнольдова заслуживает не только особого признания, но и осмыслиения его вклада в отечественный опыт постижения культуры.

Пассионарность А. И. Арнольдова как зачинателя традиции разностороннего исследования сущности культуры, ее назначения и динамики выявляется в различных аспектах – от организационно-проектного до научного и педагогического. И в каждом из аспектов своей подвижнической деятельности он стремился обосновать идею приоритетности культуры как Универсума, позитивно влияющего на умонастроение общества, на его нравы и на «мир человека». Стремление такого рода было обусловлено его беспокойством по поводу доминирования в государственной культурной политике «остаточного принципа» в отношении культуры, внимание к которой проявлялось зачастую лишь в официальной риторической форме утверждения «важной роли культуры в советском обществе».

В текстах А. И. Арнольдова, написанных в период краткой «оттепели» и неоднозначных умонастроений интеллигенции по поводу переоценки личности и роли Сталина на XX съезде КПСС, была едва ли не впервые обоснована идея общественной значимости научного теоретико-исторического подхода к духовной культуре как «относительно са-

² Существенный вклад в утверждение научного статуса культурологии внесли: С. Н. Артановский, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, Э. В. Соколов (Ленинград / Санкт-Петербург), В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов (Ростов-на-Дону), Э. С. Маркарян (Ереван), Л. Н. Коган (Свердловск/ Екатеринбург) и другие.

мостоятельному общественному феномену» [2, с. 13]. Подчеркну при этом, что в понимании назревшей необходимости исследования культуры в многообразии ее форм Арнольдов был не одинок: позицию неприятия факта «колоссальной невостребованности потенциала культуры» [2, с. 16] активно реализовывали и другие энтузиасты идеи углубления в проблематику культуры: Э. В. Баллер, Н. С. Злобин, В. М. Межуев, Р. Н. Садов и ряд других авторов – энтузиастов рефлексии над проблемами культуры. Каждый из них, начиная с авторского участия в создании первой в СССР коллективной монографии «Коммунизм и культура» (1966), способствовал активизации исследовательского интереса к различным граням «второй природы» и «мира человека»³.

Причем методологическая значимость и содержательная глубина текстов молодых (в те годы) сподвижников Арнольдова подтверждаются и в наши дни.

Важно при этом иметь в виду то, что на этом этапе включения проблематики культуры в сферу гуманитарного знания *понятие культурологии и ее статус как «новой» науки* еще отсутствовали: культурфилософские размышления шестидесятников несут явные приметы методологии исторического материализма, в традициях которого культура рассматривалась через призму марксистского концепта «надстройка». Данная традиция обнаруживается также в структуре и содержании самого первого учебного пособия для студентов институтов культуры и искусства «Основы марксистско-ленинской теории культуры» под редакцией А. И. Арнольдова и А. С. Фриша. В свете научно-образовательной значимости данного издания важно подчеркнуть, что и здесь конструктивно проявился энтузиазм Арнольдова, сумевшего привлечь к авторскому участию таких авторитетных представителей

³ Стоит напомнить о том, что в формировании этой, по сути, коллективной монографии активное участие принимали и преподаватели руководимой А. И. Арнольдовым кафедры теории и истории культуры МГИК.

отечественной культурологии, как С. Н. Артаванский, Э. В. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев.

Особого внимания заслуживают и *проективно-творческие инициативы* А. И. Арнольдова, отмеченные в статье «Фундаментальные проблемы теории культуры в трудах А. И. Арнольдова» В. С. Садовской и В. А. Ремизова: «Под редакцией А. И. Арнольдова с 1995 года длительно выходил подлинно «пионерский» альманах-ежегодник «Культурология: новые подходы», давший жизнь многим инновационным идеям в области теории культуры, ее динамики и функций в социуме» [10, с. 19].

Многие из тех, кто работал и общался с А. И. Арнольдовым, отмечают его способность намечать содержательно-структурные параметры проектируемых публикаций по теоретико-историческим вопросам культуры. Как правило, в созданных по его инициативе коллективных монографиях и учебных пособиях сопряжены и «усиливают» друг друга в эвристическом отношении гносеологические, аксиологические и философско-антропологические позиции представителей различных образовательных и научных сообществ. Появление подобных изданий в немалой мере приближало к признанию культурологии в качестве самостоятельной научной сферы, обладающей, по утверждению одного из самых авторитетных исследователей И. В. Кондакова, интеграционным потенциалом, позволяющим изучить «контексты культуры и те смыслы, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст» [7, с. 211].

При погружении в ценностно-смысловой контекст опубликованного наследия Арнольдова выявляется – при всем «соблюдении» советских идеологем – его тяготение к просветительской традиции моделирования образа культуры как универсального способа расширения познавательных и творческих связей людей с природно-цивилизационными условиями их бытия. Причем в понимании Арнольдова значимость культуры во всем

разнообразии ее форм и текстов не сводима к кумулятивному аспекту: имея в виду полифункциональность культуры, он проявлял особый интерес к вопросу о ее субъектности как «механизма преобразующего воздействия на жизнь общества» [1, с. 50].

Размышляя о субъектности актуальной культуры, Арнольдов придавал особое значение вопросу о модальности плодотворного включения культурного наследия в ценностно-смысловое пространство социокультурных реалий. Здесь особенно явно обнаруживается созвучие позиций двух поборников такого направления, как экология культуры – Д. С. Лихачева и А. И. Арнольдова. Каждый из них отстаивал идею активности памяти как особого механизма сохранения культурных традиций и преемственности поколений. Глубокая убежденность Д. С. Лихачева в том, что «память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой» [8, с. 65], не только разделялась Арнольдовым, но и деятельно поддерживалась в рефлексивно-коммуникативном плане. Неслучайно ряд организованных им конференций был посвящен проблеме формирования культуры памяти и творческого использования ее функционала в реалиях переоценки ценностей.

В этой связи уместно отметить и такой признак пассионарности Арнольдова, как коммуникативные способности, благодаря которым он в течение нескольких десятилетий расширил круг исследователей в сфере культурологического знания. Яркий пример тому – несколько лет успешного развития *диалогических форм профессиональной коммуникации* между научными сотрудниками Сектора философских проблем культуры Института философии РАН и преподавателями кафедры истории и теории культуры МГИК. В течение нескольких лет первый педагогический состав кафедры в лице Владимира Марьиновича Бахты, Виктора Николаевича Гудовичева, Рафаила Ильича Ибрагимова, Николая Леонидовича Лейзерова, Ивана Ивановича Пикулева и Александра Самойловича Фриша был кол-

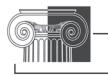
лективом единомышленников А. И. Арнольдова, энтузиастами-подвижниками идеи распространения знаний о культуре как в историческом, так и в теоретическом ракурсах⁴.

Пассионарность А. И. Арнольдова и его сподвижников проявлялась также в систематических проведении круглых столов в формате «мозговой атаки» по поводу открытых вопросов о реальном состоянии отечественной культуры. Участниками таких встреч были видные представители гуманитарного знания – философы, социологи, этнографы, психологи, а также деятели искусства. Благодаря этой инициативе, неотделимой от Имени и научного энтузиазма видного методолога Э. А. Орловой⁵, в диалогической форме был разработан *междисциплинарный подход* к различным аспектам социокультурной динамики, урбанистики, «диалектики повседневности» (Г. С. Кнабе); тем самым были созданы предпосылки для содержательного полилога вокруг культурологической проблематики.

Как справедливо утверждает Е. В. Мареева, «наиболее явным в дискуссиях того времени было противостояние сторонников «технологического» и «ценностного» понимания деятельности, созидающей культуру» [10, с. 55]. Данное умозаключение вполне согласуется и с высказыванием яркого представителя второго поколения отечественных культурологов А. Я. Флиера о «параллельном развитии двух сравнительно автономных культурологий: социальной и гуманитарной» [12, с. 22].

⁴ Именно с этим замечательным составом кафедры теории и истории культуры под руководством Арнольдова мне довелось контактировать в течение нескольких лет в статусе аспирантки Арнольда Исаевича (1971–1974 гг.). «Память сердца» сохраняет безмерную благодарность за время содержательного общения с каждым педагогом.

⁵ Именно благодаря Элине Александровне Орловой в пространстве нового здания Третьяковской галереи на Крымском валу в начале 80-х проводились интеллектуально-творческие «поединки» теоретиков и практиков, причастных к процессам становления отечественной культурологии.

Активным сторонником гуманитарного подхода к культурному многообразию и подвижником традиции ценностного понимания явления был, судя по смысловым акцентам и тональности его работ, А. И. Арнольдov, соотносивший потенциал культуры с созданием и трансляцией духовных ценностей в интересах гуманизации общественной и индивидуальной жизни. В этой связи представляется возможным охарактеризовать весь комплекс проявлений пассионарности Арнольда Исаевича Арнольдова посредством такого концепта, как «гуманистический активизм» (Г. В. Флоровский).

Пассионарность А. И. Арнольдова проявилась и в его деятельном отношении к задаче разработки понятийно-категориального аппарата отечественной культурологии. Именно благодаря ему внимание советских исследователей было привлечено к таким бытовавшим в публицистическом формате «фигурам речи», как «культурный прогресс», «культурная политика», «духовная культура», «культурное творчество», и установка на приданье им понятийного статуса была постепенно и достаточно успешно актуализирована.

«Гуманистический активизм» Арнольда Исаевича Арнольдова был присущ не только его «жизненному миру», но и различным формам подвижничества в научной и образовательной сферах. Именно поэтому было бы несправедливо сводить оценку пассионарности А. И. Арнольдова – как субъекта процессов становления и развития отечественной культурологии – признанию в нем только «организатора науки» (Е. В. Мареева).

Ценностно-смысловой контекст авторской и педагогической деятельности Арнольда Исаевича отражает его установку на разработку и «оформление теории культуры как целостной концепции духовных процессов» [3, с. 6]. Стоит в это связи подчеркнуть приверженность А. И. Арнольдова гуманитарному подходу, к Универсуму культуры как неиссякаемому источнику влияния на «различные стороны человеческого существования,

на отношения человека с окружающим миром и другими людьми» [3, с. 13.]

При всем тематическом разнообразии публикаций Арнольдова выявляется философско-антропологическая доминанта в его размышлениях о культуре. С учетом того, что большая часть его текстов создавалась «в условиях идеологической зашоренности, царившей в стране» [13, с. 22], устойчивый интерес к взаимосвязи Универсума культуры и мира человека можно оценивать как проявление исследовательского мужества оставаться верным себе. Философско-антропологический подтекст наследия Арнольдова в определенной мере согласуется с воззрениями В. М. Межуева и М. Б. Туровского – двух глубоких мыслителей, чей вклад в развитие культурологической мысли трудно переоценить.

Так, сущностной чертой наследия А. И. Арнольдова является, на мой взгляд, акцентирование внимания на идее сопряженности различных граней феномена культурного многообразия и реализации познавательно-творческих способностей и интенций человека. Подтверждение тому – едва ли не все тексты Арнольдова, в том числе и публикации по проблемам социалистической культуры и культурной политики советского государства. А вот что писал примерно в эти же годы В. М. Межуев: «В философии марксизма мир в целом предстает, прежде всего, как человеческий мир, как мир культуры <...> в своей созданности, произведенности человеком» [11, с. 327]. Данное суждение совпадает и с умозаключением автора монографии «Философские основания культурологии» М. Б. Туровского. Исходя из своей убежденности в том, что «...субъектный (личностный) аспект истории выступает как культура» [11, с. 336], он ратовал за «понимание культуры не в качестве феноменального эффекта исторического бытия, но как мира подлинного, внутреннего бытия человеческой личности, которое и является содержанием истории» [11, с. 385].

Смысловое созвучие философско-антропологических мотивов дает основание

для признания многомерности вклада Арнольдова в расширение границ постижения культуры как универсального способа гуманизации повседневной жизни и формирования духовно-нравственных оснований мира человеческой субъективности. В проблемно-тематическом пространстве наследия А. И. Арнольдова нашли свое отражение как моменты «идеализации культуры» (Л. А. Закс), так и опыт рефлексирования по поводу «диалектики приобретений и утрат» (Гегель) в культурном развитии социума. По сути, каждая

из статей и книг Арнольдова несет на себе печать проповедничества, ценностно-смысловой контекст которого сопряжен со смысловой нагрузкой таких понятий, как «культура», «гуманизм», «духовность» и «творчество». Отсюда особая тональность культурфилософской рефлексии Арнольдова, суть которой он определил как «размышления о культуре, честный и откровенный разговор-беседу о ее веками выработанных материальных и духовных ценностях, колоссально невостребованном потенциале и нелегкой судьбе» [1, с. 3].

Список литературы

1. Арнольдов А. И. Введение в культурологию. Москва: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей. 1993. 352 с.
2. Арнольдов А. И. Социалистическая культура: теория и жизнь. Москва: Издательство политической литературы. 1984. 174 с.
3. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. Москва: Наука, 1987. С. 5–27.
4. Губман Б. Л. Современная философия культуры. Москва: РОССПЭН. 2005. 535 с.
5. Закс Л. А. Культурология – наука, созревшая в прошлом, проверяемая настоящим и предвещающая будущее // Вестник Ярославского педагогического университета. 2017. С. 243–251
6. Кондаков И. В. Интеграционный потенциал культурологии // Вестник Ярославского педагогического университета. 2010. № 3. С. 207–213.
7. Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Ленинград: Наука. 1985. С. 63–71.
8. Мареева Е. В. О подходах к анализу культуры в советской философии 60–80 годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (53). С. 52–58.
9. Межуев В. М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. Москва: Наука. 1987. С. 300–331.
10. Садовская В. С., Ремизов В. А. Фундаментальные проблемы теории культуры в трудах А. И. Арнольдова // Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2015. № 1 (16). С. 18–21
11. Туровский М. Б. Культура – личностный аспект истории / Философские основания культурологии. Серия “Философы России XX века”. Сост. А. П. Огурцов. О. К. Румянцев. Москва: РОССПЭН. 1997. С. 347–428
12. Флиер А. Я. Краткая история культурологии / Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. 2-е изд. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств. 2009. С. 20–26.

*

Поступила в редакцию 16.07.2025